

Культура. — 1997. — 26 июня. — С. 10

Отвори потихоньку калитку...

Леонид ЛЕРНЕР

Семь лет назад московская художница Наталья Молчанова с мужем Игорем, тоже художником, купили дом в Поречье Рыбном, что под древним Ростовом. Они долго искали тот, который нужен, пока Наташа не увидела его. Это был он: в зеленом гроте из густых лип таилась хрупкая калитка. Стоя перед нею, она вспомнила читанный в детстве рассказ Герберта Уэллса — о мальчике, нашедшем заветную дверь, за которой цвел очарованный сад. И вдруг она поняла, что вот эта калитка и есть та самая "дверь". Наташа тихо отворила ее и вошла в старый заброшенный сад. В наступивших сумерках таинственно шумели деревья, легкий ветерок доносил горьковатые запахи трав, в кустах сирени задумчиво пела слава-черноголовка...

В этом доме для Наташи, Игоря и их маленького Даниила началась жизнь, полная счастливых трудов.

По утру к окну прилетал ворон Ричард и, стуча клювом по подоконнику, требовал завтрак. Затем Наташа писала вид из окна: желтые лилии в зеленом пруду. Рядом с зачарованным садом возникал его двойник. И этот акварельный сад можно было увезти в Москву, чтобы пригласить в него всех, кто пожелает.

В один из залов Центрального дома художника привезла Наталья Молчанова свой дивный сад, назвав выставку, как и рассказ Уэллса, — "Дверь в стене".

Я пришел к этой "двери" интуитивно, движимый предчувствием, что иду именно туда. По выставке-саду ходили люди, зашедшие сюда, быть может, так же случайно, как и я, и не сумевшие уйти.

Приходил пятнадцатилетний мальчик. Побыв час-другой, уходил, чтобы вскоре снова вернуться. Он хотел что-то сказать Наташе, но все не решался. И наконец все-таки сказал, ужасно стесняясь: "Это просто невозможно, как у вас тут хорошо". И она поняла, что для таких вот мальчишек и нужно писать сады, чтобы они тоже смогли найти свою заветную дверь.

Заходила пожилая дама, приехавшая из Англии. Оказалось, что она русская и в детстве, когда жила в деревне у бабушки, играла вот в таком же саду. Она купила одну из самых сокровенных Наташиных вещей — "Калитку" — и

"Цветы"

унесла ее со счастливым лицом.

А потом появился человек, который, обойдя выставку, подсел за столик к Наташе и стал рассказывать ей про свою жизнь. Когда-то он тоже занимался живописью, брал уроки. Теперь занимается бизнесом. Но так хочется вернуться в этот мир! И Наташа подумала, что в этом бизнесе еще не умерла живая душа.

Вглядываясь в картины Натальи Молчановой, я отмечал их необычайную многотональность и думал о том, какой художественной силой и чистотой обладает настоящая акварель.

— Сегодня акварель в загоне, — грустно говорит Наташа. — В училище памяти 1905 года, которое я кончала, занятия акварелью считали порой ученичества, своего рода плацдармом перед занятиями масляной живописью. Я же уверена, что она совершенно самостоятельна и таит в себе потрясающие возможности.

— Помню, я как-то позвонила в одну галерею, чтобы предложить свои работы, — рассказывает художница. — Спрашивают: "А что у вас?" Я ответила и услышала свехпренебрежительное: "Акварельки? Нет, не надо!" А мне захотелось крикнуть: "Да знаете ли вы, что такое подлинная акварель? Она, как чудесная музыка. И в ней заключено столько энергии!"

Наталья Молчанова делится своими планами. Следующей ее темой станут океан, морская бездна, пучина, дно морское.

— Уедете из своего сада на море?

— Зачем же? Морскую стихию, тайны океана можно увидеть в любой луже.

Закончилась выставка. И Наташа снова уезжает в свой дом у пруда, в старый волшебный сад, к своей овчарке Чару и ворону Ричарду, словом, туда, где... Она собирает рюкзак, пакет бумаги и краски для будущих акварелей. А душа уже там, у калитки. Она отворяет ее тихо-тихо... И входит. ●